

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ССРС
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VIII

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

Т. К. Шафрановская

СВЕДЕНИЯ О СИБИРИ И МОНГОЛИИ В ДНЕВНИКАХ ЛОРЕНЦА ЛАНГА

Лоренц Ланг, участник нескольких дипломатических миссий России в начале XVIII в., вел подробные дневники во время своих путешествий. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. они неоднократно издавались на немецком языке и переводились на французский и английский. Изданием дневников Ланга интересовался один из крупнейших ученых XVIII в. П. С. Паллас. Его внимание привлекали новые ценные данные о Сибири и Монголии, тем более что сведений о Сибири и Монголии в начале XVIII в. было не так много. В своем предисловии к дневнику Л. Ланга 1727—1728 гг. П. С. Паллас писал, что он содержит такие интересные сведения, новые для некоторых читателей, что он посчитал дневник достойным опубликования¹. В примечании к заглавию дневника 1736 г. П. С. Паллас отметил, что нет точного описания дороги от Цурухайты в Монголию. Поэтому, по его словам, данное описание заслуживает быть опубликованным и составляет как бы продолжение предыдущего².

В настоящее время дневники Л. Ланга затеряны в старых изданиях и забыты. Во многих значительных работах о Сибири имеются, правда, отрывочные сведения, взятые из дневников Ланга, или ссылки на них³. Нам хотелось бы по возможности дать полное представление о той части дневников Ланга, которая посвящена описанию Сибири и Монголии. Сведения из дневников Ланга мы приводим не только по печатным изданиям. В статью включены также материалы рукописи: дневника Ланга 1715—1716 гг., хранящейся в архиве г. Мерзбурга

¹ P. Pallas, Tagebuch einer in den Jahren 1727 und 1728 über Kjachta nach Peking unter Anführung des Agenten Lorenz Lang gethanenen Karawanenreise, — «Neue Nordische Beiträge», Bd 2, St.-Pbg. und Leipzig, 1781, стр. 83—159.

² P. Pallas, Tagebuch einer im Jahr 1736 unter Anführung des Kanzeleirats Lange und des Komissars Firsof von Zuruchaita durch die Mongolei nach Reking verrichteten Karawanenreise, — «Neue Nordische Beiträge», Bd 2, St.-Pbg. und Leipzig, 1781, стр. 160—207.

³ В. А. Анучин, Географические очерки Маньчжурии, М., 1948, стр. 17, 18; С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв., М., 1955, стр. 105, 106. Наиболее полные сведения о дневнике Л. Ланга 1715—1716 гг. содержатся в работах: Н. Ф. Каганов, Известия Л. Ланга о Сибири и сибирских инородцах, — «Ежегодник Тобольского губернского музея», Тобольск, 1905; В. В. Радлов, Сибирские древности, СПб., 1891; «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 5, стр. 23; В. Гирченко, Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах, Улан-Удэ, 1939, стр. 31.

Германской Демократической Республики⁴. Данные из дневника Ланга 1727—1728 гг. приводятся по рукописи, находящейся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР⁵. Эти рукописи, гораздо более полные, чем печатные издания, до сих пор не публиковались.

Дневники Л. Ланга, насыщенные конкретными фактами, являются ценнейшим источником для изучения Сибири и Монголии первой половины XVIII в. В них подробно описаны караванные пути, проходившие через Сибирь и Монголию того времени, внешний вид городов, сообщается множество этнографических сведений о народах, живших в Сибири и Монголии, и приводятся интересные археологические данные о находках древних вещей в Сибири. Ланга особенно интересовали религиозные верования различных народов, встречавшихся ему во время путешествий. И он, как будет видно дальше, с интересом расспрашивал местных жителей о происхождении их веры, о значении религиозных обрядов и об языческих идолах. Этнографические сообщения Ланга не устарели до настоящего времени. Таково, например, его блестящее описание быта кочевых монголов. Их занятия, пища, жилища и одежда охарактеризованы очень подробно и с большой точностью. Ланг описывал то, что видел, достаточно объективно и всесторонне. Он был одним из тех путешественников, которые умели наблюдать и хорошо знали жизнь народов Сибири первой половины XVIII в. Дневники Ланга явились определенным этапом в познании Сибири и ее этнографии. Его дневники не раз переводились на иностранные языки.

М. П. Алексеев пишет, что участники дипломатических миссий, ездившие по Сибири в XVII в., — Н. Спафарий и И. Идес были предшественниками ученых XVIII в.: Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и П. С. Палласа, которым суждено было открыть Сибирь для разностороннего и подлинно научного исследования⁶. Нам кажется, что Л. Ланга можно с полным основанием причислить к названным путешественникам.

Сравнивать дневники Л. Ланга с известиями многочисленных путешественников, ездивших по Сибири в XVII — начале XVIII в., не представляется возможным в рамках данной статьи. Мы берем поэтому только дневник Избранда Идеса, который путешествовал тем же путем, что и Ланг, в 1692 г.⁷ Остановились мы на записях И. Идеса и потому, что Ланг знал о их существовании и даже делал к ним некоторые поправки. Так, Ланг пишет, что «Иркутск — это тот город, который Избранд Идес назвал Якутском. Город же Якутск лежит на крайнем севере, недалеко от океана»⁸. Затем Л. Ланг сообщает, что горячей пещеры около Иркутска, о которой писал И. Идес, больше не видно⁹. Хотя, как сказано у М. П. Алексеева, со слов Избранда, «об этой пещере или трещине в земле около Иркутска упоминают положительно, кажется, все авторы, писавшие в конце XVII и XVIII ст. об Иркутске»¹⁰. Далее

⁴ «Lorents Lange Reise nach China», Deutsches Zentralarchiv. Abteilung Merseburg, Rep. 94, IX, 2.

⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, № 152, — «Копия с переводу с журнала агента Лоренца Ланга в бытности его с караваном в Китаях в Пекине в 1727 и в 1728 годах, которую он сам подал в государственной коллегии иностранных дел в 9 марта 1730 году».

⁶ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв., Иркутск, 1941, стр. LI.

⁷ «Driejarige Reize naar China, te Lande gedaen door den Moscovitischen Abgesant E. Isbrants Ides», Amsterdam, 1704.

⁸ «Lorents Lange Reise...», л. 19 об.

⁹ Там же.

¹⁰ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях..., стр. 531.

Ланг считает, что И. Идес неверно назвал монастырем часовню св. Николая, расположенную у Байкала. Ланг расспрашивал об этом местных жителей, и ни один не сказал ему, что тут когда-то раньше был монастырь¹¹.

И наконец, Ланг говорит о том, что Кабанское, расположенное недалеко от города Удинска, — большое селение, а не замок, как пишет И. Идес в своих путевых записках¹².

К сожалению, перевод интереснейших дневников И. Идеса вышел после того, как была написана статья, поэтому нам пришлось воспользоваться краткими отрывками, приведенными М. П. Алексеевым¹³. По ним удалось выяснить, что одежда, украшения, прически и жилища у бурят у И. Идеса и Л. Ланга описаны одинаково. У Ланга нет, однако, сообщения об охоте облавой. Суеверное отношение местных жителей к Байкалу подчеркивают и Идес и Ланг. От озера Байкала И. Идес отправился к реке Лене, так что путь его разошелся с путем Ланга.

Сохранились четыре дневника Ланга¹⁴. Мы берем данные только из двух его дневников, в которых помещены сведения о Сибири и Монголии. Это дневники 1715—1716 гг. и 1727—1728 гг. В дневнике 1721—1722 гг. сообщений о Сибири и Монголии нет. Дневника же 1736—1737 гг. в данной статье мы не касаемся, так как из-за обширности материала он требует отдельного рассмотрения. Наблюдения Ланга мы излагаем в хронологическом порядке, следуя за его дневниками. Большинство приведенных в тексте географических названий сохранилось до настоящего времени.

ПЕРВЫЙ ДНЕВНИК (1715—1716)

В первом дневнике 1715—1716 гг. Ланг описывает свое путешествие следующим образом. 18 августа (ст. ст.) 1715 г. Ланг выехал из Петербурга. Путь шел через Шлиссельбург, Старую Ладугу, Новгород, Торжок, Тверь, Москву, Переяславль, Ростов, Ярославль, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Верхотурье и Соликамск по новой Бабиновской дороге. Эту дорогу открыл в 1597 г. сольвычегодский посадский человек Артемий Бабинов¹⁵. Предшествовавший Бабиновскому тракту Чердыно-Лозвинский путь был длиннее.

Близ Соликамска Ланг осмотрел 32 солеварни. В них вываривалась снежно-белая соль, такая мелкая, что она напоминала муку. Этой солью снабжалась вся Сибирь, Казань и Астрахань. Далее путь шел через горы Верхотурье, достигавшие большой высоты. В горах води-

¹¹ «Lorents Lange Reise...», л. 20.

¹² Там же, л. 22.

¹³ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях..., стр. 52; Избранд Идес и Адам Брандт, Записки о русском посольстве в Китай. Перевод М. И. Жазанина, М., 1967.

¹⁴ 1715—1716 гг.: С. Н. - W. Weber, Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung der Geist und weltlichen Regiments, der Kriegsstand zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen..., Frankfurt, 1721; его же. Nouveaux mémoires sur l'état de la Grande Russie ou de Moscovie, vol. 2, Paris, 1725; 1721—1722 гг.: «Journal de la residence du Sieur Lange, agent de Sa Majesté impériale de la Grande Russie à la cour de la Chine dans les années 1721 et 1722», Leide, 1726. Переводы на русский язык: «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские страны, а именно: в Испань, в Пекин, Дербент и Константинополь», перевел с французского Михайло Попов, СПб., 1776; «Поденные записки о пребывании Лоренца Ланга, агента императора российского, при китайском дворе в 1721 году», — «Северный архив», 1822, № 17, 19—23; 1727—1728 гг.: P. Pallas, Tagebuch einer in den Jahren 1727 und 1728 ...gethanenen Karawanenreise; 1736—1737 гг.: P. Pallas, Tagebuch einer im Jahr 1736... verrichteten Karawanenreise.

¹⁵ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв., стр. 105.

лись соболи, куницы, лисицы, волки, олени, лоси, серны, а у подножия гор в небольших речках и болотах было много выдр.

Здесь обитали вогулы (манси). По внешнему виду они напоминают калмыков: довольно широкие лица, короткие толстые носы и маленькие глаза, но язык их отличен от языка калмыков. Ланг узнал, что недавно их крестили, однако, разговаривая с ними, он выяснил, что им все равно, какой у них бог — деревянный идол или живой бог на небе. Только небо им кажется слишком далеким. До крещения они вешали маленького идола на дерево и молились, стоя на коленях с поднятым вверх лицом, о том, чтобы был хлеб и не было голода.

Город Верхотурье довольно большой. Часть его жителей — купцы. В верхотурской таможне тщательно проверяют всех направляющихся в Сибирь или возвращающихся обратно.

Через полгода после начала путешествия, 27 января 1716 г., Ланг прибыл в главный центр Сибири — Тобольск. Город расположен на высокой горе и окружен кирпичной стеной. За стенами расположен монастырь с церковью, вне укрепления тоже выстроены церкви, и это придает городу чрезвычайно красивый вид. Внизу, у подножия горы, протекает Иртыш, берущий начало на юге, в стране калмыков. Вода в нем мутная, так как течет он по болотистой почве. Приблизительно в трех верстах от города в Иртыш впадает Тобол. В реках водятся стерляди, щуки, караси, окуни, налимы, но стерляди не такие вкусные, как те, которых ловят в Оби, Кети и Енисее.

16 февраля 1716 г. Ланг добрался до г. Тары. По мнению местных жителей, расстояние между Тобольском и Тарой — 600 верст, но Ланг считал, что если измерить версты как следует, то можно насчитать и больше тысячи. В данном случае он ошибался. Путь оказался ему, быть может из-за однообразия, более длинным: расстояние от Тобольска до Тары 600 км с небольшим.

Между этими городами вдоль Иртыша живут только татары-магометане¹⁶. Они люди состоятельные, но богатство их состоит не в деньгах, которым они придают мало значения, а в хороших лошадях, быках, коровах и овцах. Редко встречается татарская юрта без трех-четырех телят, привязанных возле очага. Телят они не продают и не убивают, так как у них существует поверье, что коровы без телят пропадут от тоски.

В отличие от жилищ русских крестьян в юрте нет печи для приготовления пищи. Вместо нее стоит очаг (Ланг называет его камином). Стенки очага изготовлены из ветвей кустарника и обмазаны глиной. Пол вокруг очага на пол-аршина ниже, чем остальная часть. Приподнятый пол чуть подалее от очага служит сиденьем, на него садятся и греются. В очаг вмазан большой котел для приготовления еды. Основная пища — сухая рыба, которую варят с ячменной мукой. Муку толкут в деревянной ступке, потом набирают полные горсти и кладут в рот столько, что кажется, что они задохнутся. Чай пьют тоже с мукой и маслом.

На больших праздниках, например свадьбах, обычно убивают одну или несколько молодых лошадей (по числу гостей). Напитком служит брага из овсяной муки и водка, которую перегоняют из кобыльего молока. Невесту и женщин во время свадеб угощают отдельно, чтобы избежать бесчинств.

¹⁶ Татары, жившие в Тобольской губернии, принадлежали к потомкам Кучумовой орды, смешанным с финскими и другими соседними народами («Географическо-статистический словарь Российской империи», т. 5, сост. П. Семенов, СПб., 1885, стр. 57).

Ланг пишет, что одежда сибирских татар мало отличается от старой русской. Крестьянки по всей России, а особенно в Сибири, носят большие серьги. Ланг считает, что татарки носили серьги еще до русских, потому что они продевают кольца не только в уши, но и в нос. Украшения в носу носят обычно те, кто хочет казаться знатным.

Подать, ежегодно выплачиваемая царю, состоит из пушнины: соболей, лисьих шкур, беличьего меха и т. д. Но подать они платят и калмыцкому королю — контайше. Владения его граничат с Сибирской Татарией на юго-западе.

Город Тара лежит на небольшой одноименной реке, впадающей в Иртыш в полутора верстах от города. Он средней величины и окружен частоколом. Здесь путешественники задержались на несколько дней в ожидании смены лошадей. Дальше путь шел через Барабу — большую степь, по ней надо было ехать до Томска. В степи на болоте росли березы и другие деревья. Зимой там живут татары; русские называют их барабинские татары. Летом они перекочевывают на р. Тару и другие небольшие реки. Они язычники и живут очень бедно. Жилища выкапывают в земле, они возвышаются над землей приблизительно на аршин и покрыты соломой. В жилище барабинцы держат маленького идола, вырезанного из дерева, по виду напоминающего человека. Он стоит в маленьком ящике в пол-локтя (локоть равняется 475 мм) длиной, в одежде из различных лоскутьев. Барабинцы называют идола шайтаном и обещают ему шапку или воротник, если он принесет им богатую добычу на охоте.

Едят они сухую рыбу и муку, а для питья растапливают снег, так как в этой степи никакой другой воды нет. У них мало скота, их лошади ходят по лесу и выскивают себе пищу из-под снега. Есть у них и сено, но они его держат только для путешественников, чтобы получить немного табаку; деньгами не интересуются. Если они получают табак, то, как бы его ни было мало, они его делят между собой. Если же табака так мало, что им можно наполнить только одну трубку, то ее зажигают, передают друг другу и каждый делает затяжку. Считается, что табак полезен для здоровья. Одежду барабинцы шьют из различных меховых лоскутьев. Из них же делают шапки и чулки. При ранениях, что случается в лесу часто, они берут прут, кладут его на рану и жгут его, пока не образуется зола. При этом они совсем не чувствуют жара. После этого намазывают золой саму рану и места вокруг нее и таким образом лечат ее.

Ежегодно барабинцы, как и сибирские татары, платят подать и русскому царю и контайше. По мнению Ланга, среди этих людей встречаются и остяки (ханты). К этому выводу он пришел, когда ему описали остяков, тем более что остяки, живущие у Оби, — близкие соседи с барабинцами. Вера у них совпадает: остяки тоже почитают шайтана. Барабинцы небольшого роста, очень некрасивы. У них маленькие глаза, широкие плоские носы и черные спутанные волосы.

После путешествия по степи Ланг приблизился к р. Томь, на которой выстроен г. Томск, а вскоре достиг Томска. Здесь река разделяется и течет по обе стороны города, а в конце его снова соединяется, поворачивает на юго-восток и впадает в Обь.

Город расположен красиво — на горе; в нем много богатых людей. В реке водятся в изобилии различные рыбы. Город так богат хлебом, что излишки уделает другим городам. В его окрестностях добывают так много пушнины, как ни в каком другом месте Сибири. Встречаются здесь белки, почти в два раза больше обыкновенных и со снежно-белым мехом.

В окрестных горах добывают свинец, железо и медь. О серебре не слышно, но золото, по словам шведских пленных, встречается то там, то здесь. В могилах находят изображения, сделанные из золота и серебра: птиц, рыб, идолов, отдельные украшения, оправу от мундштуков, посуду, кольца, серьги и многие другие вещи. Но не все вещи сделаны из золота и серебра, встречаются медные и железные. Ланг приходит к выводу, что здесь в прежние времена жили, очевидно, другие народы, не те, которые обитают в настоящее время. Таких вещей у современных жителей нет, у них есть только железный котел, а вся остальная утварь сделана из березовой коры.

В этой местности имеются многочисленные кристаллические горы, у их подножия встречаются красивые, но неблагоприятные камни разных оттенков. Особенно интересен род камней, блеском и твердостью превосходящий богемские алмазы. Но мало любителей, желающих подробно исследовать все это.

По хорошему санному пути Ланг доехал до р. Чулым, очень извилистой и с мутной водой. На этой реке живут чулымские татары. Они мало отличаются от барабинцев. Но возле реки Ланг увидел только их пустые жилища, так как зимой чулымские татары вместе с женами и детьми уходят на ловлю соболей и другой охотничий промысел. В лесу они питаются мясом убитых зверей, а дома им основной едой служит рыба.

После пятидневной езды по лесу Ланг прибыл в Енисейск. Город лежит на берегу р. Енисей, которая течет с востока и юго-востока, оставляя город с западной стороны, и поворачивает затем на север. В реке водятся всевозможные рыбы, особенно вкусными считаются стерляди — лучшие во всей стране. Река у Енисейска шириной с версту, у Мангазеи же и Туруханска ширина доходит до пяти верст. Пушнина, добываемая в этой местности, — соболи, черно-бурые и красные лисицы, а также горностаи и белки, которые хуже, чем в Тобольске, Таре и Томске.

В окрестностях Енисейска и дальше к Мангазее находят удивительные кости. Они встречаются по берегам рек и в пещерах. Ланг приводит различные мнения, высказываемые по поводу этих костей. Некоторые считают, пишет он, что когда-то в Сибири был жаркий климат и жили слоны. Во время всемирного потопа они утонули, а кости сохранились в вечной мерзлоте. Но Ланг склоняется больше к мысли, что это кости мамонта. В связи с этим он приводит распространенную в XVIII в. легенду о мамонтах, будто бы живущих под землей, избегающих солнца и воздуха. В середине черепа у мамонта рог, им он роет землю. Зубы у мамонта снаружи как кость, а внутри подобны металлу и тверды как камень. Ланг приводит сведения, полученные от людей, будто бы видевших кости мамонта со следами крови и свежего мяса. Правда, Ланг тут же прибавляет, что не встречал ни одного человека, который видел живого мамонта. Хотя Ланг утверждает, что получил эти сведения от людей, заслуживающих доверия, эти версии, разумеется, относятся к области легенд. А вот мнение о том, что костей так много, что из них без труда можно составить скелет, вполне достоверно.

В Енисейске Лангу пришлось задержаться из-за весенней распутицы. Но ему не хотелось дожидаться полного вскрытия рек для дальнейшего путешествия. В то время передвижение по воде шло очень медленно — судно тянули по реке на веревках. Поэтому, несмотря на то что Ланга и его спутников отговаривали от путешествия верхом из-за плохих дорог, они все же тронулись в путь. Ланг, по его словам, привык к путешествиям и по хорошим и по плохим дорогам. Но дорога до

Братского была ужасной; она шла через горы, долины, болота и леса, все реки уже вскрылись, и дождь шел, не переставая, день и ночь. Наконец вымокшие до нитки путешественники достигли реки Кан.

Здесь они увидели берестяные жилища татар, названных по имени реки канскими¹⁷. Жилища канских татар такие тесные, что в них с трудом поместятся четыре или пять человек, и то, если они будут сидеть. Одежда у них сшита из различных меховых лоскутьев. Едят они все, что убивают в лесу с помощью лука и стрел, сырым или вареным — это для них все равно, а также рыбу. Вместо хлеба употребляют корни желтых тюльпанов, которые выкапывают в лесах. Они язычники.

16 июня, снова после тяжелого пуги, Ланг достиг Братского. В этой местности живут татары, которых Ланг называет братскими¹⁸. Их жилища сделаны из шкур, они богаты лошадьми, быками, коровами и баранами. Плохой хозяин тот, кто не имеет больше 400 лошадей. Коров и остальной скот они просто не считают¹⁹. Пищей им служит дичь, убитая в лесах. Если же околеваает лошадь, то они приглашают гостей и задают роскошный пир. Лошадиное мясо считается у них лакомством. Питьем большей частью служит водка, перегнанная из кобыльего молока, — очень крепкий напиток. Молодых лошадей убивают на свадьбах. Сначала договариваются с отцом невесты о калыме: сколько лошадей, быков, коров и баранов он хочет получить за свою дочь. После того как соглашение достигнуто, жених берет невесту к себе и приглашает ближайших соседей и приятелей, устраивая празднество. Иногда за красивую девушку дают от 70 до 100 лошадей, столько же быков и баранов и 10—12 верблюдов, встречающихся здесь в большом числе.

Поклоняются братские татары нескольким старым бараньим шкурам, развешанным на шестах вокруг жилищ. Перед ними они падают на колени, кричат и ведут себя как безумные²⁰. Но почему они так делают — они не знают сами.

Одежда братских татар гораздо лучше, чем других татар: они носят длинные халаты со складками, заложеными от середины до колен. У женщин длинные черные волосы падают локонами на плечи. Для красоты волосы поддерживаются медными и оловянными обручами. Девушки заплетают на голове столько косичек, сколько позволяют волосы, и они стоят у них, как рога. На руках и шее носят небольшие латунные, железные или медные украшения, иногда стеклянные бусы. На вид жители некрасивы, цветом кожи несколько похожи на цыган, но у них широкие лица, плоские носы и маленькие глаза.

Путешественники здесь могут ездить без всякой заботы, если у них есть хлеб и табак, так как мяса они за табак получают вдоволь. За две три трубки табаку можно получить целого барана. Если же барана убивают на месте, они берут себе все внутренности, варят их, не утруждая себя особенно их промыванием, и едят, считая лакомством.

Ланг задержался в Братском, чтобы отдохнуть от плохой дороги. Здесь его застал комендант г. Илимска, лежащего в 30 милях от Братского. Вместе с комендантом Ланг поехал посмотреть на Илимск. Го-

¹⁷ Л. Ланг называет канскими татарами камасинцев. См.: Н. Ф. Катанов, Известия Л. Ланга..., стр. 6.

¹⁸ Л. Ланг называет братскими татарами бурят. См.: Н. Ф. Катанов, Известия Л. Ланга..., стр. 7, и В. Гирченко, Русские и иностранные путешественники..., стр. 15.

¹⁹ Очевидно, эти сведения относятся только к зажиточным бурятам. В силу своего служебного положения Л. Ланг останавливался в состоятельных семьях и описывал их в первую очередь.

²⁰ Л. Ланг неправильно описал обряды, свойственные бурятской религии. См.: В. Гирченко, Русские и иностранные путешественники..., стр. 15.

род небольшой и не такой красивый, как Братское. Расположен он между высокими горами и скалами у маленькой одноименной реки, берущей начало на северо-западе, текущей на юг и впадающей в Тунгуску. Ланг считает, что город выстроен здесь только из-за пушных зверей, которых добывают в этой местности. Соболя здесь гораздо чернее, чем Ланг видел в других местах.

Наконец, 18 июля Ланг прибыл в Иркутск. Недалеко от города протекает р. Ангара, берущая начало в оз. Байкал, в него же впадает и р. Иркут, по имени которой назван город. Против города расположен красивый монастырь. В окрестностях добывается много пушнины: черные соболя, лисицы и др.

2 августа Ланг выехал из Иркутска по направлению к Байкалу. На его берегу выстроена часовня св. Николая, украшенная иконами. Путешественники молятся в ней, прежде чем пуститься в плавание. Байкал равен в ширину с востока на запад 30 верстам, а с севера на юг, по мнению местных жителей, протяженность его более 500 верст. Местные жители называют его святым морем и не терпят, когда его называют озером. Они считают, что озеро может отомстить за непочтительное к нему отношение. И они настолько благочестивы, что во время плавания не ругаются, не пьют водки и не курят. Но местные жители называют Байкал морем потому, что они не видели большого моря. Озеро окружено со всех сторон высокими скалами. Поэтому ветру, дующему с одной стороны, негде развернуться, он наталкивается на скалы противоположной стороны и поднимает большие волны. В таком случае судно, находящееся на полпути, поворачивает обратно, но тогда возникает опасность натолкнуться на многочисленные подводные камни. Случается и так, что ветер за один день меняет направление 3—4 раза и те, кто находится на озере, не могут сдвинуться с места, потому что суда плоскодонные и с ними невозможно лавировать. Тогда они обращаются к своей совести и думают, не провинились ли они в чем перед озером, просят у него прощения и обещают больше не повторять таких ошибок.

Лангу показалось удивительным, что в этой воде живут в большом числе тюлени. Вода пресная и такая прозрачная, что дно видно на шесть-семь сажений. Цвет воды несколько зеленоватый, но в стакане вода кристально прозрачная и имеет приятный вкус. Когда Ланг на судне переправлялся через эти опасные воды, ветер был встречный, поэтому судно тянули на веревке вдоль берега. Потом подул благоприятный ветер, что позволило спокойно переправиться. Ночной лагерь был разбит у стен Посольского монастыря. Но, как только удалось переправиться, ветер снова переменялся, и если бы путешественники находились хоть в четверти мили от берега, им пришлось бы возвратиться.

Ланг добрался до р. Селенги, у устья которой находилась церковь св. Николая. Отсюда они шли на судах, которые тянули веревками. Ночевали на берегу. Водный путь был невыносимо медленным. Поэтому Ланг нанял лошадей и поехал к Большой Заимке, где стоит красивый Троицкий монастырь. Далее путешественники достигли г. Удинска на реке Уде, впадающей в Селенгу в версте от города. Крепость расположена на высокой горе и построена из дерева в виде треугольника.

Ланг прибыл в последний русский город Селенгинск; им управляет один чиновник. В Селенгинске находится небольшая крепость. Возле протекает р. Селенга, по имени которой назван город. Она берет начало в стране монголов, поворачивает на запад и впадает в Байкал.

Август Ланг провел в Селенгинске. В это время он побывал на рыбной ловле, которую, как он пишет, ему было очень интересно увидеть. Ловят рыбу, похожую на сельдь, плывущую из Байкала по Селенге такими большими массами, что заброшенную сеть крестьяне вытаскивают с большим трудом. Местные жители называют рыбу омуль. Эта рыба плывет всегда в это время вверх по реке и заплывает так далеко, что выбивается из сил, худеет и дальше плыть не может. Тогда она снова спускается вниз по реке и лежит на воде как мертвая. Ее уже не ловят, потому что для еды она не годится.

7 октября Л. Ланг выехал из Селенгинска и 9 прибыл в Сарачин, где по обе стороны от границы между Сибирью и Монголией расположена стража.

Дорога шла через высокие горы и долины. Ланг приблизился к р. Тола. Здесь надо было пересечь большую степь без единого деревца; вместо дров приходилось жечь сухой лошадиный навоз, а вместо воды растапливать снег, довольно часто выпадавший в степи. Едой служила конина. Нельзя себе представить, пишет Ланг, что в этой степи, лежащей так далеко на востоке, зимой стоит такой сильный холод. Зима в Сибири показалась Лангу несравненно более мягкой, чем здесь, так как в степи не было других жилищ, кроме меховых юрт. В центре юрты разводят огонь из сухого навоза, который, прежде чем разгореться, так дымит, что непривычный к этому предпочитает выйти наружу и мерзнуть, а не греться у такого огня.

Жители в этой Татарии богаты лошадьми, верблюдами, овцами, коровами и быками. Очень бедным считается тот, кто не имеет от трех до четырех тысяч лошадей и от 600 до 700 верблюдов. Об их образе жизни нельзя сообщить ничего особенного, кроме того, что они живут в юртах и едят павших лошадей, быков и других животных. Но их жрецы едят только свежую пищу. В их стране водится очень много дичи, особенно много гусей, встречается особый род крупных куропаток, много оленей, косуль. Из этого видно, что местным жителям незачем употреблять плохую пищу. Причина, почему они едят плохую пищу, исходит от их главного жреца — кутухты²¹. Жрец внушил людям такое представление о своей святости, что простой народ почитает его как бога. Они считают себя счастливыми и думают, что им дарована большая милость, если им разрешат целовать то место, где сидел или стоял кутухта.

Все, что живет на земле, зависит от кутухты. Поэтому жители придерживаются правила, что нельзя убивать ничто живое, будь это даже такие твари, как змеи или саранча и кузнечики. Но эта заповедь соблюдается большей частью только духовными лицами и людьми, к ним принадлежащими. Над кутухтой стоит далай-лама, выдающий себя за бессмертного бога. Ланг расспрашивал жреца²² о далай-ламе. Последний рассказал, что ему выпало большое счастье: он видел далай-ламу и молился ему. При этом жрец показал нескольких маленьких идолов²³, вырезанных из кипарисового дерева, которые далай-лама ему вручил и повелел чтить как богов. Одно изображение показалось Лангу похожим на женщину (вероятно, это была буддийская богиня милосердия Гуань-инь). Но жрец сказал, что это изображение бога. Этот бог очень красив, и его изображают сидящим в кресле со скрещенными ногами и поднятой рукой. Затем он показал льва с четырьмя

²¹ Верховное духовное лицо у монголов-буддистов называется кутухта. См.: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях..., стр. 557.

²² Л. Ланг неправильно называет монгольских лам жрецами.

²³ Л. Ланг везде пишет не буддийские божества, а идолы.

головами, тоже вырезанного из кипарисового дерева. Головы были расположены одна под другой, и у нижней была раскрытая пасть, из которой торчал наполовину проглоченный ребенок. Третьим было изображение мужчины с открытым ртом, похожего на Христа. Идолы хранились в медном ящичке, обитом камчатной тканью.

Ланг спросил жреца, верит ли он в то, что идолы дадут ему то, о чем он просит. Жрец ответил, что верит безусловно, и если они не всегда выполняют просьбы, то виноват в этом только он один. Очевидно, он, сам того не ведая, согрешил и этим рассердил богов. Далее Ланг спросил жреца, каким образом все верят в то, что далай-лама бессмертен, и как он это доказывает. Жрец ответил, что далай-лама не такой бог, который может жить вечно, но когда он войдет в лета и состарится, то он может снова стать молодым, и происходит это благодаря смерти. Появляется он, однако, после того, как некоторое время после второго рождения прожил на свете, причем не в том же самом месте, где умер, а в другом месте и рождается от женщины, нравившейся ему больше всего в предыдущей жизни.

Ланг спросил далее, чем доказывается, что всегда рождается тот же самый далай-лама. Жрец ответил, что вновь рожденный еще совсем маленьким должен рассказать, сколько людей было у него в услужении, как их звали, сколько у него было лошадей, верблюдов, овец и быков и чем он еще пользовался в своей прошлой жизни. Ланг поинтересовался, есть ли еще люди, которые вновь рождаются. На это он получил ответ, что это бывает часто, и жрец может вспомнить некоторых людей, родившихся вновь три-четыре раза и поэтому рассматривавшихся в качестве богов. Но никто не может так часто рождаться вновь после своей смерти, как далай-лама. Нынешнему не больше семи лет, а родился он в 30-й раз. Жрец сообщил также, что он молится своим идолам, чтобы они спасли его от злых людей, пройдох и воров и послали ему еду и питье.

После отъезда Ланг заночевал в небольшой деревне, где располагался жреческий храм. Любопытство заставило его войти в храм, чтобы осмотреть идолов, находившихся внутри. Возле входа на алтаре находилось огромное изображение божества из дерева, позолоченное и одетое в красивые шелковые одежды, чтобы оно не пылилось. Перед ним стоял стол, на котором лежали музыкальные инструменты: маленькие барабаны, медные тарелки и др. Они во время службы создают сильный шум. Справа от алтаря стоял высокий и широкий стул с большой подушкой, изъеденной молью. Лангу на его вопрос, что это за стул, сообщили, что он предназначен для далай-ламы на случай, если тот почтит храм своим присутствием. У стен стояло множество других идолов, считавшихся слугами главного божества.

Больше сведений о Сибири и Монголии в дневнике Л. Ланг 1715—1716 гг. нет.

ВТОРОЙ ДНЕВНИК (1727—1728 гг.)

Переходим к дневнику 1727—1728 гг. с описанием путешествия по Монголии. Это путешествие было, как мы увидим, очень трудным и тяжелым из-за неблагоприятной погоды и отсутствия корма для лошадей. Путь шел через Кяхту.

Караван двинулся в путь, пишет Ланг, 13 сентября 1727 г. из крепости св. Петра и Павла, находящейся у р. Чикой. Остановились на ночлег у р. Субуктуй, где была старая деревянная гостиница для проезжающих. Дошли до р. Кяхты. П. Паллас в примечании к дневнику

Ланга сообщает, что самого г. Кяхты тогда еще не было, крепость была заложена в следующем году. Караван подошел к р. Иро в том месте, где она впадает в Орхон. Здесь пришлось задержаться, так как переправа через реку заняла три дня. Монголы, живущие у р. Иро, держат маленькие лодки для переправы. Но они просили 10 копеек за пуд. Это составило такую сумму, что путешественники предпочли соорудить паромы из материалов, бывших у них под рукой, и благополучно переправили весь караван.

Река Иро берет начало от горы Кентайхан (горы Хэнтэй), расположенной к юго-востоку, впадает в Орхон, а Орхон неподалеку впадает, в свою очередь, в Селенгу. От р. Иро путь шел к р. Шаре, очень извилистой и узкой, с высокими берегами и тоже впадающей в Орхон. Из-за своей мелководности река не изобилует рыбой, но по берегам ее находятся богатые пастбища. Поэтому монголы здесь часто разбивают свои стоянки. Далее путь шел к р. Харе, недалеко от нее находилось соленое оз. Цаганор. Хара узкая, неглубокая, с высокими берегами, впадает с северо-востока в Орхон, богата рыбой. По обеим сторонам Хары находились многочисленные монгольские кочевья. Это в основном шабинары²⁴, или подданные кутухты — главного языческого жреца. Они обмечают пыль с идолов в небольшом каменном языческом храме, находящемся в степи, справа от дороги. Кроме того, они поставляют жертвенные еду и питье, а также участвуют в службе. По р. Боро караван подошел к оз. Бороноор. Оно богато лебедями и другими водоплавающими птицами, а также рыбой. Через высокие и труднопроходимые горы добрались до р. Толы. На противоположном ее берегу основана постоянная резиденция кутухты и монгольских начальников. Резиденция представляет собой площадку, обнесенную деревянными стенами, с различными храмами и жилищами.

Караван расположился у подножия высокой горы Хан Ола, или королевской. Она покрыта высоким и красивым лесом из кедров и других деревьев. Никому не разрешается на ней охотиться, хотя кабанов, оленей и дичи там множество. Вид с этой горы прекрасный, многочисленные красивые ручьи стекают с нее в Толу. Вся местность от Селенгинска до Толы гористая; между горами расположены долины и равнины, где много ручьев и озер. Последние богаты рыбой и водоплавающей птицей. Поэтому, считает Ланг, если местные жигели проявят немного прилежания, они будут иметь рыбу и дичь в изобилии. Горы везде заросли группами кедров, елей, берез и других деревьев. В лесах в изобилии водятся олени, дикие козы, кабаны и другие животные. Большая часть земель удобна для пахоты.

Но монголы, живущие в большом числе в улусах, пишет Ланг, не имеют представления об оседлом хозяйстве. Они довольствуются пастбищами с травами и дикими кореньями, которые им в изобилии предоставила природа, для верблюдов, лошадей, рогатого скота и овец. Основная еда монголов — сарачинское пшено (рис), мясо они едят очень редко. Собственный скот убивают неохотно, предпочитают есть павших животных. Монголы пьют кирпичный чай; почти всегда на огне у них стоит котел с этим чаем. Чай они варят с коровьим, верблюжьим, кобыльим и овечьим молоком. Зажиточные люди кладут в чай муку, сливки и масло, так что напиток становится густым, как шоколад, и очень питательным. Бедные же, у которых масла нет, упот-

²⁴ Шабинары — семьи, переданные в вечное владение кутухте халкасскими князьями. Они обязаны содержать своего кутухту и принадлежащий ему монастырь. См.: А. Позднеев, *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*, СПб., 1887, стр. 4.

ребляют жир из курдюков своих баранов, но тогда в чай обязательно добавляют соль.

С весны до осени, пока скот дает много молока, монголы получают из кобыльего молока кумыс и пьют его горячим. Летом они запасают на зиму сыры. А осенью при удачной охоте режут мясо на куски и вялят на воздухе или коптят в дыму. Из кожи скота монголы изготавливают бóльшую часть своей утвари, сапоги и сбрую для лошадей. Сухой навоз в степях служит топливом. Овцы особенно полезны, так как употребляют не только на мясо и дают молоко, но из их шкур шьют меховую одежду. Для этой же цели держат и козы стада. Из овечьей шерсти делают кошмы, или войлоки, которыми обтягивают юрты и употребляют как постели. Зимой юрты покрываются двойной кошмой.

В середине юрты раскладывают огонь, и тогда в юрте тепло, какая бы сильная стужа ни стояла. Дым выходит в круглое отверстие, сделанное в юрте наверху. Когда огонь перестает гореть, отверстие закрывают войлоком. Летом в юртах прохладнее, чем в палатках. Солнце не проникает сквозь войлок. Юрты хорошо защищают и от ветра и дождя.

Монголы очень ценят верблюжье молоко. Из толстой шерсти верблюдов они плетут веревки, из более тонкой вяжут одежду. Верблюды необходимы при переезде с места на место, а также для военных походов. Особенно они нужны при дальних походах, так как долгое время могут пробыть почти без пищи и воды и лучше, чем другие животные, переносят жару и холод.

Ланг пишет, что до р. Толы находится самая лучшая земля в Монголии и здесь живут наиболее зажиточные монголы.

Во время пребывания в этой местности Ланга посетил монгольский лама. Он преподнес Лангу маленький кусочек леденца, завернутый в белую шелковую тряпочку, считая, что этим он доставил Лангу большое удовольствие. П. Паллас отмечает в примечании, что такие ничего не значащие подарки — кусочек сахара, бумажку с несколькими зернышками пряностей — дарят и калмыцкие священники при посещении почетного гостя. Лама сообщил, что умерший кутухта, верный своему обещанию, родился вновь. Ему сейчас 6 лет. Он остался, может быть, еще неузнанным, но далай-лама из жалости к осиротевшему монгольскому духовенству открыл тайну.

Караван двинулся от р. Толы 8 октября. Вся монгольская степь отсюда до Китая безлесная. Трудный путь пришлось преодолеть через гору Долой Тологой, или семь холмов. Далее Ланг подробно описывает все местечки, озера, речки и колодцы, встречавшиеся по пути. С середины октября путь стал тяжелее: пастбища были плохие, вода замерзала, ночные морозы обессиливали лошадей, которые стали падать. До конца октября продолжался этот долгий и мучительный путь. Лошадей погибало все больше и больше. 30 октября караван остановился на отдых у станции Сертени. Монголы сказали Лангу, что отсюда начинается песчаная Гобийская степь. На географической карте, пишет Ланг, она обозначена как степь Хамо. Степь эта, особенно в позднее осеннее и зимнее время, губительна для путешественников, их лошадей и другого скота.

Путешествие по Гобийской степи началось 2 ноября. Дул ледяной северный ветер, и стоял сильный мороз. Караван подошел к соленому оз. Ирень Дабассу; оно имеет приблизительно три версты в окружности, но ключи и ручьи в него не впадают. Поэтому в озере много соли только в дождливые года, в сухие же — мало. Соль собирают бедные монголы, живущие в жалких войлочных юртах. Они меняют соль у

проходящих караванов на чай, табак, пшено и другие жизненно необходимые припасы. Эту соль, крупную, белую и вкусную, монголы отвозят в Калган и на другие рынки.

В этой местности на солончаковой почве трава не растет. Вода в колодцах плохая и вредная. Местные жители из-за недостатка травы не держат скота, поэтому нет сухого навоза для топлива. Монголы употребляют в качестве топлива корни солончаковых растений. Выкапывать их трудно, а тепла они дают меньше, чем дыма.

Караван с большим трудом добрался до местности Боролдуки Кудук. Здесь находится небольшой храм, построенный из веток и глины и похожий на курятник. Жрец не живет в этой пустыне, храм построен только для путешественников. Внутри находятся изображения идолов, напечатанные на бумаге.

Повсюду, и на этой и на других стоянках в пустыне, насколько видиг глаз, ничего нет, кроме равнины без кустов и травы. Земля усыпана цветной галькой, которая при солнечном свете переливами и блеском может радовать и услаждать зрение. Но, пишет Ланг, нашим глазам был бы сейчас гораздо приятнее вид зеленых лугов и хорошей воды, чего, к сожалению, не было видно.

Путь был настолько труден, что 8 ноября по каравану было отдано распоряжение, чтобы никто не садился верхом или на везы, а шел пешком. С большими трудностями, с огромными потерями лошадей караван к 28 ноября подошел к месту Мао-Кирина, где находились колодцы и следы земляного вала, простиравшегося на восток и на запад насколько видит глаз. Вал кое-где еще высокий и со рвами, но большая его часть низкая, почти вровень с землей. Это, очевидно, пишет Ланг, вызвано сильными и частыми дождями, которые здесь бывают летом.

28 ноября караван миновал линию вала и 29 дошел до Цаган Балгацу (Белый город). Недалеко от него прежде был город²⁵, окруженный крепостной стеной. Окружность крепости весьма значительна, и можно ясно различить остатки бастионов и куртин. Каждая сторона длиной 92 сажени. Здания совсем разрушились; можно было увидеть только каменные своды и превосходно высеченных из белого мрамора больших львов, наполовину ушедших в землю. Слева, на некотором расстоянии, находился еще один мертвый город. Далее караван шел по крутому тесному проходу, спускаясь с высоких, скалистых гор.

Так был закончен тяжелый путь каравана, возглавляемого Лангом. Он прибавляет, что нет возможности описать трудности путешествия, когда все четыре стихии ополчились против людей. Воздух был таким холодным, что даже в хорошей шубе трудно было согреться. Не было воды, травы и топлива, чтобы развести огонь, хоть немного согреться и приготовить пищу.

На этом кончаются сведения о Монголии во втором рассмотренном нами дневнике Л. Ланга.

²⁵ Вероятно, Ланг видел развалины Хара-Балгаса — большого города, в VIII—IX вв. столицы уйгурского ханства. Орхонская экспедиция 1889 г. при исследовании развалин нашла много каменных баб и памятников из гранита и даже мрамора, в том числе изображение льва из белого мрамора. См.: «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. 5, СПб., 1901, стр. 8.